

На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)

Эта статья посвящена критическому разбору круга идей, представленных в статье Дм. Шалина «В поисках нарративной идентичности...». Некоторые из этих идей поддерживаются, некоторые - вызывают сомнение или даже опровержение. Обсуждаются методологические и этические проблемы биографических исследований и познания через действие.

Ключевые слова: жизненные стратегии, жизненный выбор, (авто)биографический нарратив, реконструкция мотивов, право на умолчание, «драматическая социология», познание действием, этика наблюдающего участия, социолог-испытатель

1

В № 3 «Телескопа» за 2011 г. появилась большая проблемная статья Дмитрия Шалина «В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина»¹. Д. Шалин – «русский американец», советский кандидат наук и американский профессор, социолог и культуролог, один из ведущих в мире специалистов в таких областях научной мысли как прагматизм и интеракционизм, автор десятка книг, создатель оригинального исследовательского направления, названного им *биокритическая герменевтика*.

«Биокритическая герменевтика находит свой предмет на пересечении биографии, культуры и теории. Она изучает эмоционально-соматическую составляющую дискурсивных практик, воплощение знаков в индивидуальном бытии, (рас)согласование слова, дела и аффекта в жизни исторических субъектов, и роли (авто)биографического нарратива в накоплении и передаче опыта культуры» (Из научных тезисов).²

«В изучении жизненных траекторий биокритика нацеливает на непрерывную триангуляцию трех знаковых систем: соматически-аффективной, деятельностно-перформативной, и символически-дискурсивной. Об этом я писал в статье “Воплощение знака”³. Ее главный тезис развивается в моих работах о Леваде, Гофмане и Гадамере» (Из личного письма).⁴

Дмитрий Шалин, вот уже большую часть жизни (35 лет из 60 с лишним) живущий в США и более охотно изъясняющийся по-английски, чем по-русски, тем не менее

¹ Электронные версии: полная, на сайте «Международная биографическая инициатива» - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html; сокращенная, воспроизводящая публикацию в «Телескопе» - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_id_11.pdf.

² Шалин Д. Тезисы к Концепции биокритической герменевтики. (Электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_bh_theses.html).

³ Shalin D. Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics // Sociological Theory. 2007. Vol. 25. P. 193–224. (Электронная версия - <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin1.html>).

⁴ Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения рефлексии. Том 2. СПб.: Норма, 2010, с. 418.

идентифицирует себя в качестве ученика И. С. Кона и В. А. Ядова, и с российской культурной средой и научным сообществом его связывает нечто большее, чем деловые контакты и академический интерес. Им реализован ряд проектов, относящихся к интеллектуальной жизни России и ее трансформациям в последние десятилетия. Отнюдь не периферийным профессиональным сюжетом стало для Д. Шалина создание, в рамках возглавляемого им Центра демократической культуры Университета Невады (Лас Вегас), американо-российского интернет-проекта «Международная биографическая инициатива» (МБИ)⁵, содиректором которого (вместе с другим «русским американцем» Борисом Докторовым) он является.

Более масштабного фонда биографических материалов, относящихся к истории современной (вторая половина XX века – начало XXI века) российской социологии в комплексе с аналитикой и изысканиями в области методологии биографического метода в мире нет.

2

Опубликованная в недавнем «Телескопе» упомянутая работа Дмитрия Шалина посвящена анализу жизненных стратегий и, пожалуй, тактик социального поведения российских интеллигентов в условиях позднесоветского общества (1960-1980-е гг.), на материале биографических интервью, взятых самим автором или другими исследователями у коллег-социологов, принадлежащих к различным (в основном – старшим) поколениям постсоветского социологического сообщества. Примечательно, что при всем своем академизме автор не уклоняется и от личностной ауторефлексии.

Причем, главным предметом интереса исследователя оказываются внешние обстоятельства и побудительные мотивы «личного выбора в условиях несвободы»⁶, прежде всего - *морального выбора*, определяющего ту или иную жизненную траекторию и общественное поведение. Можно сказать и так: этика выживания, этика ухода и этика протеста.

Социолог – одна из наиболее «идеологизированных» научных профессий в нашей стране. И, по крайней мере, те советские социологи, кто относился к своей профессии серьезно, неизбежно оказывались между Сциллой конфликта с системой и Харибдой приспособленчества, что могло оказаться равно губительным для профессиональной самореализации. Делать карьеру без хотя бы маленьких сделок с собственной совестью и / или сохранять достоинство по мере статусного роста удавалось далеко не каждому.

Впрочем, не следует думать, что эти нравственные терзания были свойственны всем. Двоемыслие *человека советского* не обошло стороной и представителей той науки, которая могла бы его (двоемыслие) иметь предметом собственного изучения.

Так или иначе, конфликт между личностью и системой, будь то эксплицитный (не исключая brutальных, репрессивных форм), будь то загнанный внутрь личности («сшибка»), был достаточно распространенным явлением в то время. Среди профессиональных социологов практически не было явных диссидентов или оппозиционеров, но были недостаточно «идеологически выдержанные». Явных апологетов системы тоже было не так уж много, однако мало кто не отдал дань «верноподданничеству». Впрочем, с учетом относительной малочисленности этой

⁵ См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

⁶ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 13.

профессиональной группы, все эти пропорции были, пожалуй, близки к средним по корпусу гуманитарных наук.

Одна из «стандартных» форм отказа личности подчиняться требованиям системы (будь то в сфере профессиональной, идеологической, житейской) является установка и, в конечном счете, реализация установки на *эмиграцию*, разрыв с данной социальной средой. Эмиграция может быть *внутренней* и *внешней*. Как первая, так и вторая не были массовыми в данной (напомню, малочисленной) профессиональной группе. Но все же были немногие социологи, пополнившие ряды кочегаров или сторожей (что, как правило, сопровождалось уходом из профессии, по крайней мере – из институциональной науки). Были и эмигранты в собственном смысле слова, навсегда (как казалось тогда) покинувшие российские пределы; и их, кстати сказать, тоже наперечет.

Дмитрий Шалин, принадлежащий к числу последних, поставил перед собой интересную - социологическую, по сути своей - задачу: обозреть биографические дискурсы социологов старших поколений, представленных на сайте МБИ, в плане отображения в них (дискурсах) идейной эволюции авторов и их самоопределения в своих взаимоотношениях с общественной (советской) системой. При этом вся его «выборка» подразделена на две не равные (естественно!) подгруппы: «социологи-эмигранты» и «социологи-россияне» (т. е. «не эмигранты»).

3

«Социологи-эмигранты» представлены у Д. Шалина следующими именами: Владимир Шляпентох, Эдуард Беляев, Дмитрий Шалин, Борис Работ, Борис Докторов . (Последний эмигрировал уже из постсоветской России, так что являет собой «особый случай»). «Социологи-россияне» в поле авторского внимания – это: Игорь Кон, Андрей Здравомыслов, Владимир Ядов, Геннадий Осипов, Леонид Ионин, Геннадий Батыгин, Борис Фирсов, Андрей Алексеев, Яков Гилинский, Роман Могилевский, Виктор Шейнис (экономист), Леонид Кесельман (эмигрировал уже в 2000-х гг.). Отдельные работы Д. Шалина в русле биокритического подхода посвящены Юрию Леваде, Валерию Голофасту, Галине Саганенко.⁷

В отношении первой группы речь идет главным образом о заявленных (в интервью) и / или реконструированных мотивах эмиграции. Для второй группы преимущественным предметом обсуждения выступает мотивация членства / не членства в КПСС, что, понятно, является немаловажным аспектом жизненной позиции. Специально рассматривается проблема своего рода избирательности в предъявлении фактов собственной биографии в нарративе. Для представителей обеих групп предпринимаются попытки реконструкции нарративной идентичности⁸

⁷ См.: Шалин Д. Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал, 2008, № 1 (электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/levada_shalin_intro.pdf); Шалин Д. Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 2 (электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530926195084file.pdf)

⁸ *Нарративная идентичность* – термин не общеизвестный, поэтому поясним, что речь идет о самобосновании и придании смысла в процессе рассказа человека о себе. (См. например: Рождественская Е. В поисках смысла: построение нарративной идентичности в автобиографическом рассказе. Электронная версия - http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Seminar_Batygin/Rozhdestvenskaya.pdf).

Я не ставлю перед собой задачи ни аннотировать, ни рецензировать работу Д. Шалина. Но попробую поделиться читательским впечатлением от выполненного автором аналитического обзора.

Прежде всего, мне как-то показалось, что Дмитрий критичен в большей мере к текстам «социологов-россиян». В их биографиях чаще усматривается «рассогласование между словом, делом и аффектом», они чаще дают автору поводы предполагать, что «скошена» выборка биографических фактов в дискурсе. Некоторые, рассказывая о себе, и в самом деле представляют себя более прозорливыми, независимыми и / или преследуемыми, чем было на самом деле (наиболее яркий тому пример – Г. В. Осипов). Но, не оспаривая авторского стремления к объективности, у меня, признаться, возникают сомнения в достаточной обоснованности некоторых «биографических» замечаний автора в отношении ряда конкретных персоналий (не стану их здесь вновь называть).

Иное дело – в данном обозрении - «социологи-эмигранты», выгодно отличающиеся «цельностью» своей натуры, рано осознавшие порочность системы и решившиеся на *поступок*, каковым является решение об отъезде и его осуществление, вопреки всем препонам. Этот выбор во всех случаях предстает прагматически правильным и морально оправданным (чего нельзя уверенно сказать о жизненных стратегиях, направленных на выживание и / или жизненный успех на родине).

В статье «В поисках нарративной идентичности...» автор развивает темы, поднятые еще прошлогодней публикацией в журнале «Телескоп» происходившей в июле 1990 г. собственной беседы Д. Шалина с бывшими сослуживцами - ленинградскими социологами (А. Алексеев, О. Божков, Г. Саганенко, Л. Кесельман).⁹ Беседа была посвящена ретроспективе общественно-политического самоопределения вплоть до переломного момента в жизни социологического сообщества, когда произошел (как раз в июле 1990-го), «групповой исход» из рядов КПСС сотрудников Ленинградского филиала Института социологии АН СССР, сопровождавшийся, по существу, самоликвидацией первичной партийной организации.

Среди других тем, в данной беседе подробно обсуждалась давняя проблемная ситуация, возникшая в середине 1970-х гг. в связи с тем, что трое сотрудников научного коллектива (П. Буторин, Э. Беляев, Д. Шалин), возглавлявшегося В. А. Ядовым, тогда объявили о своем намерении покинуть страну (и в период 1974-1976 гг. всем троим удалось уехать). Летом 1975 г. в только что образовавшемся Институте социально-экономических проблем (куда были переведены все сотрудники Ленинградских секторов Института социологических исследований) ситуация особенно обострилась. Сгустились тучи над лидером ленинградских социологов В. Ядовым, которому грозили суровые партийные и административные санкции (и Ядов-таки был тогда понижен в должности, правда, «по собственному желанию»).

В меру своих возможностей, и уезжавшие, и «остающиеся» (каждый по-своему) старались смягчить негативные последствия указанной коллизии.

Непосредственный и заинтересованный участник тех событий, Дмитрий продолжает и в ныне обсуждаемой статье свою рефлексию на эту тему. Он указывает именно на «стремление к свободе» в качестве «смыслообразующего начала» в его

⁹ «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами. Июль 1990 г. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 4. (Электронная версия - <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>).

собственном решении эмигрировать: «Узловая парабола – лучше мыть полы в Колумбийском университете, чем профессорствовать в Ленинградском...». ¹⁰

«Так я мотивировал свое решение в 1975 году, - пишет Д. Шалин, - но можно ли положиться на такое объяснение? Действительно, оно позволяет понять ход моих мыслей в то время, но его можно считать и рационализацией (*мотивов*. – А. А.), желанием выставить себя в лучшем свете. Помимо политических здесь могли быть и другие мотивы – экономические, творческие, семейные. Развести объективные причины и субъективные мотивы такого рода решений сложно». ¹¹

Я безусловно солидаризуюсь с такой позицией биокритика (в данном случае – это также и ауторефлексия). Стоит заметить, что автор в общем больше ставит вопросы, чем дает ответы. Читатель в моем лице на этот счет без претензий. По крайней мере, проблема «как я выгляжу» обозначена четко. И указанная логика может быть с успехом применена к любому из обсуждаемых Д. Шалиным крутых поворотов жизненных путей его коллег. ¹²

Мне хочется здесь обратить внимание на не прекращающуюся эволюцию осмысления каждым участником минувших событий, а в данном случае - аналитиком, подробно рассматривающим свой «жизненный случай», тех или иных аспектов и фактов собственной биографии и истории профессионального сообщества. Так, в своих прежних ретроспекциях ¹³ Д. Ш. интерпретировал партийно-комсомольское собрание 1975 г., где его исключали из комсомола (ввиду предстоящего отъезда), исключительно как «гражданскую казнь», среди участников которой были, как он подчеркивал, особо отличившиеся в «суровом осуждении» (обличении) «отщепенца» - в своих корыстных (карьерных и т. п.) интересах. В данной статье Дмитрий предлагает уже другую версию:

«...Я... отрепетировал со своими друзьями их выступления на собрании в ИКСИ (*правильно: ИСИ*. – А. А.) («валите все на родственников Шалина, направивших лыжи в Израиль») ... Провинившийся сотрудник и участники собрания импровизировали по ходу дела, но придерживались (хотя не все и не во всем) установленного сценария» ¹⁴

При этом Д. Шалин не отказывается от трактовки данного события как «гражданской казни», но таковой она предстает теперь скорее как инсценировка, имитация, соблюдение обряда (вспомним яшинские «Рычаги»). ¹⁵ Думаю, это

¹⁰ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 14.

¹¹ Там же.

¹² Примером особенно четкой концептуализации может служить высказывание В. Шляпентоха: «Четыре причины определяли мое желание покинуть страну: 1) невозможность самореализации, 2) невозможность увидеть мир, 3) отсутствие перспектив для моих детей и 4) вечный страх КГБ. Непосредственным толчком для принятия позорно откладываемого решения был вступительный экзамен моей дочери в МГУ, циничность которого была уже невыносима». (Цит. по: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 14-15).

¹³ См.: Интервью Д. Шалина, данное Л. Алексеевой на радио «Свобода» (1990). Аудиозапись (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>; [Dmitri Shalin, 1990 \(Rus Audio\)](#)); Dmitri Shalin's Comments on the History of Russian Sociology Project. March 15-18, 2006 (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/shalin.html>); Андрей Алексеев, Олег Божков, Галина Саганенко, Леонид Кесельман: «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». (Полная версия: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>).

¹⁴ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22

¹⁵ Ср. с описанием этого же события другим его участником - Татьяной Протасенко:

«Самое памятное комсомольское собрание нашей структуры, когда мы должны были исключить Шалина из своих рядов, поскольку он собирался эмигрировать, а членов ВЛКСМ на местожительство за границу не выпускали. И, несмотря на то, что ему оставалось до автоматического выхода из комсомола по возрасту чуть больше месяца – нам пришлось проводить это собрание. Диму поджимали сроки. Нужно

существенное «био критическое» уточнение, позволяющее избежать ложных толкований и субъективных искажений известных (или – полузабытых) фактов, от чего не застрахован и стремящийся к объективной реконструкции прошлого исследователь.

4

Вообще же следует еще и еще раз подчеркнуть, что (авто)биографический нарратив сам по себе, никак не может служить единственным и / или преимущественным источником информации о человеке, не говоря уж о представляемой им сфере деятельности. Что бы ни рассказывал вспоминающий о времени в себе и о себе во времени, он будет пристрастен. Мало того, он **имеет право** на сгущение красок (в свою пользу) или умолчания (опять же – в своих интересах), не говоря уж о естественных абберациях памяти. Он имеет право даже на намеренное искажение реального хода дел в своем повествовании (хотя это будет характеризовать уже не сам этот ход, а моральный облик рассказчика).

И если мы хотим узнать «правду и ничего, кроме правды», то надо переkreщивать разные методы, «триангулировать» (как теперь принято говорить), надо сопоставлять рассказы разных людей об одном и том же событии, и воспоминания об одном и том же лице (включая суждения друг о друге), и всевозможные документальные свидетельства.

В этой связи, мне хочется защитить Д. Шалина от упреков в адрес «поклонников биографического метода», с которым выступил в своем блоге ¹⁶, а также на страницах последнего номера «Телескопа» другой наш коллега – В. Э. Шляпентох. О чем чуть ниже.

5

Причины, мотивы, способы, обстоятельства искажения социальной реальности, выступающей объектом биографических исследований, столь многообразны, что устранить, погасить, исключить, застраховаться от них нельзя, а можно только лучше или хуже их контролировать и минимизировать. А уж в том, что касается такой субъективной «материи», как индивидуальная человеческая память, да еще и память о самом себе, то тут нечего и ожидать какой-то «нейтральности», беспристрастности, хотя в принципе не исключена (у отдельных людей) способность к трезвой самооценке, обостренная совесть, готовность «судить себя самому».

Большинство средств контроля и критериев достоверности биографического нарратива лежат вне данного источника - автора и героя биографии (например, личные и официальные документы, архив, сведения и мнения, полученные от других людей). Но есть и «внутренние» критерии – это наличие / отсутствие «позы», соотношение информации «о себе» и «о других», баланс терпимости к чужому мнению и готовности отстаивать свое, непротиворечивость повествования. Есть автобиографические тексты,

было изобрести формулировку – смотреть друг другу в глаза мы не хотели, поскольку все всё понимали. Сочувствовали, но испытывали определенное раздражение – он уезжает, а нам отдуться... В итоге изобрели нечто вроде – исключить за потерю связи с организацией...» (Протасенко Т. З.: «Становление меня как социолога шло зигзагами» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 2, с. 9; электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/protasenko_11.html).

¹⁶ См. <http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/>.

которым безусловно веришь целиком, есть - вызывающие сомнение в отдельных местах, есть - когда ясно: «все врет, и не краснеет».

Однако в одном отношении (авто)биографический нарратив оказывается почти всегда достоверным (адекватным). Ведь он есть – неосознаваемый (или лишь частично осознаваемый) автопортрет личности, «**изъявление себя**», каким сложился к моменту этого рассказа, в том числе – в итоге всей описываемой жизни и карьеры. Другое дело, как из этого «образа», создаваемого содержанием, формой и стилем изложения, «считывать» биографическую информацию, точнее – информацию о том, где и насколько представленная рассказчиком картина отличается, не совпадает с реальностью.

Это – достигается опытом, наукой и искусством исследователя.

...Как-то не верится мне, чтобы эти в общем-то элементарные истины были неизвестны тем, кто профессионально занимаются биографическими исследованиями. Но именно в забвении этих истин В. Шляпентох в своем недавнем отклике на статью Д. Шалина¹⁷ упрекает сторонников («поклонников» - гм!) биографического метода, которые будто бы являются носителями «розовых представлений о готовности их респондентов говорить “правду, только правду и всю правду”». В том, что это не так, убеждают, среди прочего, материалы дискуссий и переписки 2006-2007 гг. специалистов, занятых исследованиями в области истории российской социологии с использованием биографических интервью – Б. Докторова, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой, Д. Шалина, да и автора этих строк – опубликованные на сайте «Международная биографическая инициатива».¹⁸

Уж не говорю о том, что пафос обсуждаемой статьи Д. Шалина - как раз в критическом отношении к автопрезентации рассказчика в биографическом дискурсе.

В. Шляпентох. исходит из ошибочного, как я считаю, предположения, что обращение исследователя к биографическому методу (в частности, для изучения истории науки) равнозначно утверждению им безусловных преимуществ этого метода перед всеми другими. Между тем, это всего лишь личный выбор, субъективное предпочтение, занятие определенной «культурной ниши» в наукознании (или, может быть, в изучении социума вообще). «Личностное науковедение» или история науки «в лицах» невозможны без обращения к личности ученого, со всем ее субъективизмом, включая рационализацию мотивов, desirable values и т. д.. Но этой сферой и не может быть замещена вся история и социология науки.

Владимир Эммануилович, как мне кажется, "размашисто" приписывает всем приверженцам биографического метода его абсолютизацию и «апологетику», что

¹⁷ Шляпентох В. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 4. (Электронная версия -

<http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2011/08/07/%d0%bc%d0%be%d0%b6%d0%bd%d0%be-%d0%bb%d0%b8-%d0%b1%d0%b5%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b5%d0%bf%d0%b5%d1%82%d0%bd%d0%be-%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%80%d1%8f%d1%82%d1%8c-%d0%b0%d0%b2%d1%82%d0%be%d0%b1%d0%b8/>).

¹⁸ См.: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html;
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_shalin_06.html;
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html>;
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/Mazlumyanova-Doktorov.html>).

заведомо не так. Т. е., в известном смысле, он оппонирует не Д. Шалину, а своему "образу оппонента".

Не стану углубляться в детали полемических заметок В. Шляпентоха. Как правило, он во всем прав, кроме выбора адресатов своей критики. Вместе с тем, не стоит ее игнорировать. Как остроумно заметила одна из наших коллег, «все сказанное — очевидно. Хотя иногда кажется, что не грех записать и очевидное».

Итак, похоже, что в вопросе об ограниченности биографического (как и всякого другого!) метода мы с Д. Шалиным, да и с В. Шляпентохом вполне согласны друг с другом, хоть и привыкли выражать это каждый в своих терминах.¹⁹

6

Но как же все-таки истолковать и резюмировать предпринятое Д. Шалиным сравнение жизненной мотивации и жизненных стратегий российских социологов-эмигрантов, с одной стороны, и, с другой стороны, «не эмигрантов», навсегда связавших себя с отечеством, какими бы благоприятными / неблагоприятными ни были для них материальные условия их жизни в нем, возможности творческой самореализации, идейно-нравственная атмосфера, отношение к этой науке властных институций и т. д.?

Мне кажется, не следует пытаться приписать «безусловную правоту» тому или иному жизненному выбору. Этот выбор всегда является многофакторным и ситуационным. И достоинство человека определяется не его принадлежностью к той или иной социальной категории, а его персональным, **уникальным** сочетанием человеческих качеств и жизненных достижений.

То обстоятельство, что человек однажды принял то или иное ответственное жизненное решение (скажем, покинул отечество, вступил в «передовой отряд строителей коммунизма» или же уклонился от этой «чести», «вышел на площадь», подписал письмо в защиту инакомыслящего или целиком посвятил себя «науке и только науке») само по себе не должно быть предметом - ни гордости, ни смущения, ни восхищения, ни сожаления. И только в контексте всего жизненного пути и «суммарных» жизненных итогов следует рассматривать и оценивать эти важные, но вовсе не самодостаточные и не всеопределяющие жизненные шаги и обстоятельства. Скажу так: судите о человеке по совокупности тех «следов», которые он оставляет в жизни других людей, а не по отдельным, вырванным из жизненного и исторического контекста словам и поступкам.

Пожалуй, можно сказать, что биокритическая герменевтика, в смысле Д. Шалина, призвана не только приращивать социальное знание, но и способствовать утверждению вышеуказанной этической максимы.

Что же касается субъективной мотивации и объективного смысла членства / не членства социологов (вообще – представителей гуманитарной интеллигенции) в КПСС, то

¹⁹ Вот, например, как эти мысли превосходно формулирует Д. Шалин:

«... Следует подчеркнуть, что бионарративный факт зависит от фрейма, что генеральную совокупность релевантных анекдотов невозможно определить безотносительно к установкам авто/биографа, что выборочная совокупность эпизодов представленных в бионарративе подвержена ретроспективной ошибке, что здесь не только возможны, но и желательны альтернативные перспективы, на перекрестке которых разворачивается социально-историческая реальность и осуществляется ее осмысление в повседневной жизни и ученом дискурсе. Отсюда следует необходимость умножения перспектив и расширения круга лиц, чей голос представлен в бионарративе» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23).

этот вопрос специально рассматривается в моей статье «30 лет «в строю» (Мое членство в КПСС)», опубликованной в журнале «Телескоп» в том же номере, что и статья Д. Шалина «В поисках нарративной идентичности...». ²⁰ Приводимые Дмитрием примеры могут иллюстрировать и мою, предложенную в той статье типологию партийцев: (а) тип *конформиста*, (б) тип *карьериста* и (в) тип *идеалиста* (романтика). ²¹ Сама эта типология, думаю, не противоречит шалинским реконструкциям нарративной идентичности.

7

Два частных замечания.

Перечисляя беспартийных социологов, автор относит к ним Г. П. Щедровицкого. ²² Это неверно. Георгий Щедровицкий был членом КПСС с 1956 по 1968 г. и исключен за "подписантство". Вполне достойная "партийная карьера"!

Автор пишет, что П. Буторину (бывшему сотруднику лаборатории Ядова, эмигрировавшему в ноябре 1974 г.), тогда оставалось еще три года до выбытия из комсомола по возрасту. ²³ Между тем, П. Буторин – 1948 г. рождения. Получается, что он должен был выбыть из этой молодежной организации в 30 лет. Между тем, действительный возрастной предел пребывания в ВЛКСМ – 28 лет. ²⁴

...Вышеприведенные страницы были уже написаны когда я получил возможность ознакомиться с откликом на обсуждаемую статью Д. Шалина, принадлежащим еще одному «социологу-эмигранту», в далеком прошлом – также сотруднику ядовского научного коллектива, Эдуарду Беляеву. ²⁵ Из нашей переписки с Д. Ш. (август 2011):

Д. Шалин – А. Алексееву: ...Эдик Беляев продолжил свои комментарии к дискуссии о проблемах биографического интервью, и я вывесил их на нашем сайте <...>. Эдик еще более критичен, чем Шляпентох, в вопросе о возможностях автобиографического повествования. Тут есть, с чем согласиться, и с чем поспорить.

А. Алексеев – Д. Шалину: Спасибо за ссылку на заметки Э. Беляева. Прочитал их с интересом. Мне не близко столь нигилистическое отношение к (авто)биографическим нарративам, хотя и я предпочитаю судить о людях больше по их делам, чем по словам (тем более относящимся к себе самим). Что-то из нашей с Вами и Борисом (Докторовым) переписки на эту тему вошло и в "Профессию - социолог...". Солидарен я с автором и в том, что биографический метод служит познанию общества больше, чем персон.

Между прочим, заметил особую чувствительность уехавших к тому, как их "провожали" коллеги. Э. Б., как и Вы, вспоминает соответствующий эпизод 35-летней давности.

Ваша "телескоповская" статья, однако, не оставлена (общественным) вниманием: Шляпентох, Беляев, Фирсов. Ожидается и мой коммент.

²⁰ Алексеев А. Н. 30 лет «в строю» (Мое членство в КПСС) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 3. (Электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_party_11.html).

²¹ Следует помнить, что это типы идеальные и редко когда представлены «в чистом виде».

²² См.: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 17.

²³ См.: Там же, с. 14.

²⁴ Кстати, самому Д. Шалину в 1975 г. исполнялось как раз 28 лет. Так что он мог бы в ту пору выбыть из комсомола и автоматически, без мало приятной – как для него, так и для его коллег - процедуры исключения.

²⁵ См. Беляев Э. В. Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/articles/beliaev_interview_11.html).

Дмитрий в ответ заметил, что, действительно, гражданская казнь врезалась в память уезжавших и вспоминается особенно болезненно.

А. Алексеев – Д. Шалину: ...Да, Беляев, Буторин и Шалин в середине 1970-х не были (публично) обласканы коллегами. Но их гражданские казни я бы не ставил в один ряд с гражданскими казнями Левады, Ядова, Голофаства и др. Первые могли этого ожидать, последние - не напрашивались.

И еще есть проблема «этики прокаженного». Как не "заразить" других своей болезнью. Примеры. <...>²⁶

Грань между жертвой, борцом и палачом пролегает не вне, а внутри личности. Не каждый это осознает.

8

Теперь обращусь ко второй части статьи Д. Шалина. Напомню, что ее полное название: «В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина».

Тут возникает вопрос: о каком диалоге речь? Возможно, об упоминавшейся выше беседе 1990 г., опубликованной в «Телескопе» (2010, № 4)²⁷, где, среди прочего, мы с Д. Ш. обсуждали тему взаимной моральной ответственности – уезжавших и остающихся? Или имеется в виду – наша с Дмитрием прошлогодняя переписка, успевшая даже найти отражение в книге «Профессия – социолог...» (2010 г.)? Речь там шла, в частности, о следующем (цитирую по упомянутой книге):

«Д. Шалин – Б. Докторову и А. Алексееву: «...Читаю "Драматическую социологию".²⁸ В книге для меня много нового, интересного и очень интересного... Обратил внимание на

²⁶ Приведенные в письме примеры:

«...В «Профессии - социолог...» (том 2, с. 421-433) есть раздел, посвященный акции международной защиты профессора Белорусского университета Олега Манаева в 2010 г. (Акция, кстати сказать, оказалась успешной).

Недавно О. М. прислал мне свою последнюю книгу "Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Книга третья" (СПб.: Невский простор, 2011). В ней приводятся письма студентов с выражением готовности публичной поддержки опального профессора и его ответы.

Так вот, О. М. писал:

"Спасибо, юные коллеги! <...> Подобная акция – не шутка, зачинщикам, да и участникам придется долго платить по счетам (возможно, годы), так что не спешите. Мое «дело» еще далеко от завершения, посмотрим, как процесс будет развиваться дальше...».

Другой пример. Из "Драматической социологии..." (том 2, с. 380):

«А. Алексеев - Р. Ленчовскому (1987):

...Ты, вероятно, помнишь о скептической позиции, занятой мною по отношению к намерениям защитных действий в мою пользу — сразу после официального предостережения КГБ, исключения из партии и т. д. Запрета не накладывал, но и не «разрешал», когда меня спрашивали. Мало способствовала гражданственным проявлениям и общественная ситуация 1983–1984 годов.

Лишь в прошлом [1986-м. — А. А.] году я сообщил всем, кто ранее спрашивал моего согласия на те или иные формы защитных действий или гражданской поддержки, что «общественных или личных противопоказаний для таких шагов больше не вижу».

²⁷ См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»:
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>.

²⁸ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4 СПб.: Норма, 2003-2005.

большое количество купюр и лакун - их иногда по десятку на страницу, в среднем по одной-две купюре на каждую из 2500 страниц. Какие-то из пропусков мотивированы и объяснены, какие-то нет...»²⁹

Это наблюдение тогда дало моему коллеге повод для рассуждений о проблеме «систематических ошибок самовыборки» в автобиографическом нарративе:

«Проблема эта не только историческая и биографическая, но и философская. Мы фиксируем события избирательно, делаем выборку согласно представлениям о собственной персоне, видением своей жизненной траектории, в соответствии с законами времени и условностями жанра. То, что не вошло в повествование... может быть, не менее важно и интересно, чем то, что зафиксировано в автонарративе. Систематические ошибки самовыборки, свойственные человеку, его кругу и эпохе – предмет биокритики и прагматистской герменевтики...»³⁰

Я тогда ответил:

«А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: ...Насчет значка <...>, который частенько встречается на страницах этой книги документов (хоть личных, хоть официальных).

Самоцензура есть законное право автора или составителя и может иметь, как минимум, следующие три мотива: А) Забота представить себя в «выгодном» свете. Тут надо не переборщить, а то ведь читатель не поверит. Б) Забота не доставить дискомфорта другому (ежели, конечно, этот другой, с точки зрения автора, такого дискомфорта не заслужил). В) Забота просто побережет читателя от длиннот, повторов, «скуки». То есть то, чем книга отличается от архива.

В маркировании купюр я был очень щепетилен (даже изъятие вводного слова фиксировалось). При этом мотив **В**, как я считаю, заведомо преобладал над остальными, а мотив **А** стремился к нулю, хоть никто и не может гарантировать такого абсолюта».³¹

По-видимому, Дмитрия не удовлетворил мой ответ, поскольку он год спустя настойчиво возвращается к теме «изобилия» купюр («одна-две... на каждую из 2500 страниц») развертывая при этом свои ключевые биокритические соображения (субъективная выборка фактов и т. п.).³²

Ну, хорошо, посчитаем, благо современная компьютерная технология позволяет сделать это за несколько секунд. Как оказалось, на 2,5 тыс. страниц 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», приходится 243 случая употребления сочетания знаков «<...>». То есть по одной купюре на десяток страниц, а вовсе не по одной-две - на каждую страницу. Ошибся Дмитрий – ни много, ни мало - **на порядок!**³³

Но дело даже не в этом. Почему-то биокритик полагает, что именно за этими многоточиями в текстах авторских дневников и писем (а иногда и других документов) и

²⁹ Алексеев А. Н, Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том 2, с. 418.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 418-419.

³² Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 21, 23. «Вспомните огромное количество купюр в восьми томах ДС и ПС»...

³³ Между прочим, в 4-томнике «Профессия – социолог...», являющемся в известном смысле продолжением «Драматической социологии...», таких купюр в приводимых личных и / или официальных документах и того меньше: по одной на пару десятков страниц!

таится самое интересное для читателя и / или ценное для истории. «Незафреймованная реальность», как это называет Шалин.³⁴

«Использование купюр требует протокола... - считает Д. Шалин, - отсутствие его ведет к издержкам и вызывает возражения».³⁵ Что ж, в свою очередь и я вправе возразить, что слишком строгое следование формальным правилам способно заблокировать всякое живое дело, включая составление документальной композиции.

Замечу, попутно, что не стоит подверстывать «драматическую социологию» под автобиографическое повествование, хотя бы ее автору – наблюдающему участнику - и приходилось описывать, как правило, происходившее с ним самим или им самим предпринятое. Это все-таки разные жанры.

9

Далее мой собеседник (партнер по диалогу) сосредотачивается на **этической** (этико-методологической) проблематике акционистской социологии и исследования случаев, частным случаем которых (такой социологии и такого исследования) является «драматическая социология» автора этих строк. Речь идет о так называемых натуральных экспериментах, термин, который можно трактовать в узком и в широком смысле, которые Д. Ш. варьирует в разных контекстах.

С одной стороны, Дмитрий оперирует широким смыслом. Так, он и свои собственные шаги после принятия решения об эмиграции в середине 1970-х интерпретирует как своего рода **тест** для своих коллег, которым пришлось, при исключении его из комсомола и т. п., продемонстрировать свою лояльность идеологическим инстанциям: «что-то вроде естественного эксперимента, высветившего степень правоверности участников собрания»³⁶. (Этот эпизод, как отмечалось выше, можно трактовать и по-иному). И впрямь, нельзя не согласиться с замечанием Д. Шалина: «Мы все принимали и принимаем участие в вольных или невольных “натурных экспериментах”, и по ходу дела, воспроизводим и/или трансформируем общество, в котором живем».³⁷

Но, с другой стороны, Д. Шалин сужает понятие натурального эксперимента до сугубо сайентистской трактовки, и, в частности, так – применительно к случаю «эксперимента социолога-рабочего», описанному в книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». При этом Д. Ш. обращается к сайту своего университета (Университет Невады), «где опубликованы правила экспериментирования с людьми и объясняются

³⁴ Иногда биокритик проявляет и совсем уж неуместное любопытство. Прочитую из статьи Д. Шалина пассаж, не представленный в «Телескопе», однако фигурирующий в версии его статьи, вывешенной на сайте «Международная биографическая инициатива»:

«Я обратил внимание, как мало в “Драматической социологии” говорится о семье Андрея, о ее отношении к эксперименту – два-три развернутых эпизода, и все. Где-то по ходу дела выясняется, что у автора сменилась жена (?! – А. А.), что не все члены семейства приветствовали его начинания, но эта сторона практически осталась вне поля зрения рассказчика. Надо полагать, что были тому веские причины, но их стоило бы оговорить (?! – А. А.)». (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html).

³⁵ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 21.

³⁶ Там же, с. 22.

³⁷ Там же.

права субъекта исследования» и убеждается, что «...исследование Андрея Алексева не могло быть одобрено ни одним исследовательским учреждением в Америке». ³⁸

Интересно, по каким же основания отказано было бы «социологу-рабочему» в «лицензии» на эксперимент: «Во-первых, автор не получил согласия (informed consent) участников эксперимента. Во-вторых, он не обеспечил анонимность субъектов исследования. В-третьих, его процедуры подвергли участников стрессу. В-четвертых, у субъектов не было возможности выйти из эксперимента по своему усмотрению». ³⁹

Об этих правилах скажу ниже, а начать здесь хотел бы непосредственно с собственной, оригинальной аргументации моего коллеги, из которой вдруг вырисовывается, насколько можно понять, профессиональная и моральная неприемлемость для Дмитрия Шалина самого по себе метода *наблюдающего участия* и «драматической социологии» как таковой.

Причем некоторые аргументы вызывают недоумение своим отрывом как от социальных, так и от некоторых профессиональных реалий. Вот несколько примеров. Цитирую».

«...Сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта... Л. П. Смирнов, главный технолог завода, где работал Андрей, выразил сомнения по поводу разумности публикации статьи Андрея с критическими замечаниями в адрес заводской администрации (*отказался подписывать акт экспертизы об отсутствии сведений, составляющих государственную тайну. – А. А.*), но если бы он этого не сделал, то рисковал бы своей работой (?! – А. А.), поскольку Андрея уже исключили из партии и преследовали по линии КГБ» ⁴⁰

«...Вряд ли можно считать исследование Андрея “акционистским” в духе Турена или “публичным” в смысле Буравого, поскольку оба эти автора имеют дело с хорошо информированными субъектами, добровольно согласившимися принять участие в эксперименте и имеющими право выйти из него в любое время (?! – А. А.)». ⁴¹

Иногда забота моего оппонента о «нарушенных» правах и душевном состоянии людей, оказавшихся в поле действия и / или наблюдения наблюдающего участника, становится просто трогательной:

«...Отношения с Людмилой Кутыриной, инженером-технологом, чьи действия указывали на ее некомпетентность, но можно понять и Кутырину, поскольку ее требования (?! – А. А.)... были продиктованы абсурдной системой, от нее мало зависящей. Временами действия ее сотрудника доводили ее до слез, но, как замечает Андрей, “нам с А. С. (*бригадиром. – А. А.*) жаль ее не было” ... А мне ее жалко. Все-таки человек, а не морская свинка или собака Павлова... И каково будет Кутыриной или ее детям читать о разгильдяйстве и некомпетентности данного субъекта? ...Наверное, у этой женщины были

³⁸ Там же, с. 23.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22-23. Из описания этого эпизода в «Драматической социологии...» (Том 3, с. 140) явствует, что главный технолог завода оказался **единственным** членом комиссии, который упомянутого акта экспертизы не подписал.

⁴¹ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23. Что касается действительного различия туреновской «социологии действия» и авторской «драматической социологии», как оно мне видится, то об этом подробно см.: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 37-38. Не очень ясно, что в данном случае имеется в виду при ссылке на «публичную социологию» М. Буравого (хоть сам Буравой лично и применял исследовательскую стратегию, близкую к нашей).

и другие человеческие качества, которые автор не усмотрел или не счел нужным упомянуть (?! – А. А.)». ⁴²

В некоторых случаях Д. Шалин использует аргументацию, по меньшей мере противоречивую.

«... Формула “разгильдяйство = незаинтересованность + некомпетентность + безответственность”... требует уточнения. В книге приводятся множество примеров, где рабочие и служащие предприятия... действуют в высшей степени ответственно и заинтересованно. Я не солидаризируюсь с заводской администрацией в ее отрицании критических замечаний А. Алексеева, но хочу подчеркнуть сосуществование нескольких режимов работы на предприятии, каждый из которых (?! – А. А.) был разумной адаптацией условиям социалистического производства». ⁴³

«... Разведение людей и институтов – можно экспериментировать с ролями, но не с их носителями – проблематично для социолога-гуманиста, для которого не существует институтов помимо их человеческого субстрата, и сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта (?! – А. А.) и в каких-то случаях ставит под угрозу его привычное существование». ⁴⁴

Замечу в этой последней связи, что именно неразличение системы безличных социальных норм, функций, отношений, с одной стороны, и реальных индивидов «из плоти и крови», с их личностными особенностями, с другой, представляется мне неприемлемым для социолога-гуманиста.

10

В чем тут дело? Почему такое неадекватное прочтение авторского подхода и метода?

Мне кажется, это можно объяснить:

а) своего рода органическим отторжением академическим ученым акционистского подхода вообще и - конкретно - логики *познания действием*, составляющей методологическую суть «драматической социологии»;

б) смешением личных и общественных (приватных и публичных) действий и отношений, в качестве предмета социологического изучения (на самом деле только вторжение в личную сферу этически запрещено!) ⁴⁵;

в) забвением того обстоятельства, что «драматическая социология» предполагает экспериментальное воздействие на социальный объект не «извне», а «изнутри», при постановке исследователем также и себя самого в положение не столько экспериментатора, сколько испытателя и / или испытуемого.

⁴² Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, с. 22.

⁴⁵ «... Наблюдающему участнику не позволено вторгаться в приватные сферы, если только сами “герои драмы” не включают эти сферы в свое публичное поведение” (Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог...». Том 1, с. 27). Комментарий оппонента: «Эта нормативная установка также вызывает возражения...» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22).

Можно было бы счесть это высказывание коллеги случайной оговоркой, если бы не отмечавшееся выше усмотрение им дефицита информации о человеческих качествах технолога Кутыриной и о семейной жизни социолога-рабочего.

В этом последнем случае (обозначаемом нами термином *наблюдающее участие*) действуют совсем иные критерии и нормы, чем те, которые могут и должны применяться в экспериментах типа Хоторнского или Стэнфордского.

Поэтому мне не хочется в деталях оспаривать этические сомнения и возражения моего уважаемого коллеги. В гуманитарной науке, как и в искусстве, как и во многих других сферах деятельности, есть вещи, которые не требуют доказательств, а принимаются или отвергаются на уровне едва ли не подсознания и нравственного чувства. И если нравственное чувство моего оппонента требует получения у главного или цехового технолога «согласия», на то, чтобы их служебная деятельность и производственное поведение стали предметом профессионального внимания социолога-рабочего, то что же тут возразишь?! Разе что можно – в шутку – пожелать коллеге самому получать разрешения на биографику от героев своих штудий или же их (героев) наследников.

Всякая политкорректность (а этические рассуждения Д. Шалина сродни ей), будучи доведена до крайности, приходит в противоречие со здравым смыслом. И риторический вопрос: «Имеем (ли) мы право вовлекать сограждан в наши эксперименты, можем мы это делать без их согласия, правильно ли раскрывать имена участников событий, и в какой степени мы отвечаем за последствия эксперимента?»⁴⁶, - исключает универсальный ответ. Ответ может быть лишь **ситуативным**, с учетом всей совокупности внешних и внутренних факторов и обстоятельств.

Кстати, насчет раскрытия имен. В письмах-дневника-отчетах социолога-рабочего своим коллегам («Письма Любимым женщинам»), а также в той самой статье 1983-1984 гг., публикации которой воспрепятствовал упомянутый выше главный технолог, **все до единого** действующие лица были под псевдонимами, и даже само промышленное предприятие не называлось. Но как быть, когда сами же «герои» себя «рассекретили», подписывая документы и совершая **публичные** поступки, получившие широкую огласку? Здесь «деликатность» исследователя была бы по меньшей мере бесполезной.

Мой оппонент, точнее - оппонент «драматической социологии» (будь то моя книга 2003-2005 гг., будь то наша с Р. Ленчовским - 2010 г.), пишет как бы в упрек: «...Автор не предоставил возможности всем респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события».⁴⁷ В том смысле, что автор не обращался ко всем своим «героям» за рецензиями, Д. Ш. прав. Но писаная история «эксперимента социолога-рабочего» буквально перенасыщена «альтернативными точками зрения» (не исключая обвинений в «клевете на советскую действительность», кстати сказать).⁴⁸ Как уж Дмитрий не заметил этого «многоголосия», составляющего едва ли не главную черту «драматической социологии» как литературного жанра, Бог весть.

«Будь на то моя воля, я бы дал слово и Смирнову с Кутыриной, и Голоду с Елисеевой, и Осипову с Руткевичем, и Парыгину с Сиговым. Пусть выскажутся, если

⁴⁶ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22

⁴⁷ Там же, с. 23.

⁴⁸ См.: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. Главы 7-10, 13, 22.

хотят. Может быть, и у них мы сможем чему-то поучиться. Или, по крайней мере, лучше их понять», - пишет Д. Шалин.⁴⁹

Интересно, как мой коллега это себе представляет? Все же авторская монография – не дискуссионная трибуна или клуб. Впрочем, почти все упомянутые лица и без того получили слово на страницах той или другой из двух книг. А если кто-то из этих лиц захочет еще и специально высказаться, то у него для этого возможностей во всяком случае не меньше, чем у автора этих строк.⁵⁰

Существует такая критическая (не биокритическая!) практика: взять некое положение или некую черту обсуждаемого произведения и, сочтя их будто бы отсутствующими там, их же и провозгласить как насущно необходимые. Боюсь, что так произошло и здесь. Произошло, скорее всего, неосознанно - от увлеченности моего партнера по диалогу собственным концептуальным построением, которое «ищет» самоподтверждения, в том числе и посредством опровержения другого.

И еще, может быть, от некоторой фрагментарности освоения материала («Драматическая социология...», равно как и «Профессия – социолог...») рассчитаны на целевое, избирательное чтение - рядового читателя, но не оппонента»). Мог сказаться и цейтнот с подготовкой статьи, нечаянным свидетелем которого я стал сам, будучи на связи с ведущим данной рубрики «Телескопа».

Написал и думаю: вдруг мой коллега, собеседник и «этический ментор» с этим последним моим соображением согласится, и тогда останутся для коллективного обсуждения только действительно принципиальные и не проясненные методологические и этические вопросы.

12

В заключение, остановлюсь еще на одном моменте, по которому у нас с Д. Шалиным, похоже, имеются разногласия. В статье «В поисках нарративной идентичности...», среди прочего, затрагивается (скорее намеком) тема «сотрудничества» социологов с политической полицией (КГБ). Вообще, интервьюируемые обычно избегают этого сюжета или же рассказывают, как они давали отпор попыткам их завербовать (что было не редкостью в среде работников «идеологического фронта»).

Точка зрения Д. Ш. будет показана ниже.

...Мне известен лишь один случай свехоткровенного и самокритичного рассказа о практике такого сотрудничества (кстати сказать, идейного!) в молодости: Владимир Долгий-Рапопорт в биографическом интервью, данном Любви Борусьяк (цикл «Взрослые люди» на Полит.ру).⁵¹

Игорь Семенович Кон в одном из своих писем замечал:

«...Для истории как раз важно, что так поступали не только продажные карьеристы. Но и люди, которые потом доказали свою порядочность. А что ими двигало -

⁴⁹ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22

⁵⁰ Между прочим, с реакцией на материалы последнего исследования («Казус СИ РАН») был такой смешной эпизод. Одна из читательниц первого тома 4-томника «Профессия - социолог...» заметила, что ей жаль, что автор столь негативно оценивает одного из хорошо известных и симпатичных ей сотрудников. Причем простодушно не заметила, что в книге нет ни одного авторского высказывания об этом сотруднике, а только суждения других людей, а негативное впечатление создают прежде всего... его собственные публичные тексты, включенные в документальную композицию!

⁵¹ См. <http://www.polit.ru/analytics/2009/11/11/philo.html>.

страх, стадность, непонимание последствий - пусть разбирается биограф. Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект».⁵²

Но как быть сегодняшнему биографу и историку, как правило, не располагающему надежно установленными фактами, а только предположениями на сей счет? Или, скажем, интервьюеру, которому его собеседник сообщает о другом человеке, что тот сотрудничал с КГБ (хоть и нет тому доказательств).

Приведу извлечения из нашей переписки с Б. Докторовым и Д. Шалиным 2009 г. на сей счет:

«А. Алексеев – Б. Докторову: Мне кажется... что не стоит в дальнейшем (по крайней мере применительно к конкретным персоналиям) акцентировать тему «сотрудничества» с политической полицией. В частности, В. Д. (В. Долгий-Рапопорт. – А. А.) искупал этот грех всю жизнь, и, может быть, не было б такой яркой и бескомпромиссной жизни кабы не это обстоятельство. Тут и апостола Павла вспомнишь, и Гюнтера Грасса (нобелевского лауреата «признавшегося», что некогда служил в СС)...

А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: ...Насчет «спорного» пассажа в мемуаре <...>. Я не к тому, чтобы такого рода предположения (речь идет о предположении мемуариста о сотрудничестве коллеги с органами ГБ. – Ред.) были вообще запрещены (хотя я лично их себе запрещаю). Но, по крайней мере, был бы уместен какой-то мораторий на такие умозаключения и оценки, до истечения некоего неопределенного "срока давности"... 2.07.2010.

Д. Шалин - А. Алексееву и Б. Докторову: Есть и другой взгляд на вещи. Из исторической песни слова не выкинешь, разные припевы имеют в ней право на существование, и если образ усопшего не вписывается в определенные рамки, так это естественно, поскольку история не линейна, противоречива и загадочна. 3.07.2010.

А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: И все же я безусловно и категорично отдаю здесь предпочтение соображениям этическим перед «историческими» Тем более, что при отсутствии прямых доказательств, последние становятся не более чем скандальными... 4.07.2010.

Б. Докторов – А. Алексееву и Д. Шалину: Я тоже за приоритет этического, тем более, что в этом высказывании о коллеге нет собственно исторического. 4.07.2010.

Д. Шалин – А. Алексееву и Б. Докторову: ...Сама дихотомия этически-морального и познавательно-исторического вызывает сомнения. Обе позиции имеют этическую составляющую, обе существенно влияют на познавательную стратегию, обе имеют право на существование и могут быть взятыми на вооружение порядочными людьми. <...>

Вводя факты и догадки в оборот сегодня, мы даем возможность ответить <...> если не самому объекту мемуарного повествования, то тем, кто его знал и в состоянии пролить свет на существо дела. Откладывая дискуссию на будущее, мы можем лишиться важных свидетельств. Конечно, тут встают свои проблемы - непроверенность фактов, предвзятость мемуариста <...>, разжигание страстей и междоусобиц. Но биографии позволяют судить не только об их предмете, а и о самих биографах. <...>

Общественная реакция на нескрупулезные догадки и заявления может сдержать кого-то из борзописцев. <...> 5.07.2010».⁵³

Как видно, в данном вопросе Дмитрий Шалин не столь этически чувствителен, как в проблематике «натурных экспериментов», предоставляя, в интересах исторической и /

⁵² Письмо к А. Алексееву от 6.12.2009. Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том 2, с. 495.

⁵³ Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том. 2, с. 494-496. Напомню, что все личные письма в книге цитируются с согласия корреспондентов

или биографической правды, защищать честь оскорбленных серьезным подозрением - **им же самим**, или же уповая на «общественную реакцию»...

Итак, некоторые из соображений, высказанных в статье «В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексева с Дмитрием Шалиным», автором этих строк поддерживаются, а некоторые - вызывают сомнение или даже опровержение.

Август-сентябрь 2011